

Первый роман

Первый роман

Вера и Марина Воробей
Совсем другая история

«РОСМЭН»

Воробей В.

Совсем другая история / В. Воробей — «Росмэн», — (Первый роман)

Когда до экзаменов в школе оставалось два месяца, с Игорем стряслась беда. Спасти его могла только сложная и ужасно дорогая операция. И Галя Снегирева, забыв о прежних обидах, делает, казалось бы, невозможное... А потом будет выпускной вечер, и все одноклассники напишут о своем заветном желании. Сбудутся ли их мечты и как сложатся судьбы друзей уже через год, когда они договорились встретиться?

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера и Марина Воробей

Совсем другая история

1

Телефонный звонок в квартире Снегиревых раздался поздно вечером. Ничего необычного или тревожного в этом резком, дребезжащем звуке не было: мало ли кто может звонить. Мамина подруга тетя Женя, Галины одноклассники, пропустившие уроки и теперь желающие узнать задание на завтра, а может, кто-то просто ошибся номером... Короче, пугаться настойчиво звонившего телефона в десять вечера у Гали Снегиревой не было никаких оснований, но ее сердце почему-то внезапно болезненно екнуло. Она вышла в прихожую и несколько секунд завороченно глядела на аппарат, будто предчувствуя, что этот звонок не принесет ей ничего радостного, а, наоборот, надолго лишит покоя ее душу.

Галя стряхнула с себя странное оцепенение и схватила трубку.

– Добрый вечер. Могу я поговорить с Галиной? – услышала она незнакомый мужской голос.

– Да, это я, – слегка удивилась девушка.

Голос был явно ей не знаком. У нее промелькнула мысль, что мужчина ошибся номером и ему нужна совсем другая Галина.

– Галя... Это Лев Николаевич... отец Игоря, – с трудом, как показалось Гале, произнес собеседник.

Сердце девушки заколотилось так, будто она взлетела по лестнице на десятый этаж.

– Игоря? Да, я вас слушаю... – растерянно пробормотала Галя, пытаясь угадать причину, по которой отец Игоря Владимиров звонит ей в десять часов вечера. Впрочем, время суток не имело значения. Почему он вообще звонит?..

– Галя, я хочу вас попросить... я прошу вас встретиться с моим сыном. Дело в том, что... – Лев Николаевич сделал паузу, и Галя поняла, что ему трудно говорить. – Он в больнице. В тяжелом состоянии. Понима...

– Что с ним? В какой больнице? – перебила Галя собеседника, но тот не обратил внимания на бестактность девушки.

– У него отказывают почки... Доктор говорит, что причина в ослаблении организма после операции. А почки у Игоря всегда были уязвимым местом. Он в детстве простудился сильно, ну и... – Мужчина помолчал, было очевидно, что слова давались ему с трудом. – Галя, вы повидаетесь с ним? Игорь рассказал мне о вас, говорил, какая вы замечательная, добрая, красивая...

– Да-да, конечно! Говорите, куда ехать, я завтра же навещу его. Вы не волнуйтесь! – энергично пообещала Галя, хотя в душе не была уверена в том, что выполнит свое обещание.

– В пятьдесят вторую больницу, в урологию. Палата номер восемь. Галя... Мне кажется, вы не до конца понимаете... Все гораздо серьезнее, чем вы себе представляете! Ваша завтрашняя встреча может стать... последней. Дело обстоит именно так. К несчастью. – Лев Николаевич внезапно закашлялся.

– Я приду. Обязательно. До свидания, – попрощалась Галина и осторожно положила трубку.

Игорь умирает? Что за бред? Это полный абсурд. Этого просто не может быть!

Галя в смятении поднесла руки к голове и с силой потерла виски. Странное предчувствие не обмануло ее – поздний звонок лишил ее покоя, заставил тревожно биться сердце, а мысли беспорядочно метаться. Может, отец Игоря сгустил краски и все не так трагично, как он представил? Ну, случилось обострение, да, это реально может быть. Но ведь Игорь в больнице, а

современная медицина находится на таком уровне, что... Галя внезапно осознала всю несостоятельность своего дурацкого оптимизма. Как будто в больницах люди не умирают. Будто больница – это стопроцентная гарантия выздоровления. Ничего подобного! Лев Николаевич сказал, что у Игоря отказывают почки, а когда почки не работают, то человек жить не может, значит... А это значит, что Игорь действительно может умереть. А она тут сидит и умничает, рассуждая об успехах отечественной медицины!

Галина нервно взглянула на часы. Почти одиннадцать. Сейчас ехать в больницу не имеет смысла, а вот завтра, прямо с утра... Галя вдруг засомневалась. А может, не стоит этого делать? Может, оставить все как есть, ведь они с Игорем расстались три месяца назад окончательно и бесповоротно, и все это время не виделись, и даже не переписывались по электронной почте. Исчезли из жизни друг друга, словно не было между ними ни большой искренней любви, ни той одной-единственной ночи, когда Галя осталась у Игоря ночевать, да и вообще ничегошеньки не было. И чем она ему поможет? Да ничем. Будет сидеть у его изголовья и фальшиво улыбаться или наигранно бодро развлекать его всякими россказнями, делая вид, будто ничего страшного не происходит. А Игорь ведь не настолько наивен, чтобы поверить во все это. И разве ему приятно будет показаться Гале таким беспомощным? Но ведь он сам захотел ее увидеть! Или это была идея его отца?

Галя вздохнула. Все три месяца после их разрыва она добросовестно уговаривала себя, что забыла Игоря, разлюбила его и вычеркнула из памяти абсолютно все, связанное с ним. Она сама была инициатором их расставания, не смогла простить ему малодушия и предательства. Расставание получилось нелегким для обоих, Галина разрывалась между любовью и смертельной обидой, нанесенной ей любимым человеком. Тогда, три месяца назад, победила обида, и девушка, собрав все свое мужество, вычеркнула Игоря из своей жизни. Но сейчас она не помнила ни обид, ни ошибок, ни горечи разочарований. Вернее, помнила, но где-то глубоко-глубоко, на самом доньшке своего сердца, и все это не имело сейчас решающего значения. Значение имело только одно – она по-прежнему любит Игоря. И никаких сомнений в этом у нее не было. А значит, колебания, ехать к нему или оставить все как есть, отпадают сами собой. Если только все это не спектакль, разыгранный Игорем с целью примирения... Но вот как раз об этом Галине думать решительно не хотелось.

Галя машинально раздвинула диван, застелила его постельным бельем. Мысли ее витали далеко. Она думала о своем любимом, об Игоре Владимирове, который в этот самый момент, может быть, стонет от боли, или лежит без сознания, или... Галя нырнула под одеяло с головой. Только без паники! Она наверняка может что-нибудь сделать для него, что-нибудь важное и полезное, только пока не знает что! Надо взять себя в руки и спокойно подумать. А перед тем как подумать, надо побывать у Игоря и самой, своими глазами, увидеть его и оценить его состояние, а еще обязательно поговорить с лечащим врачом. А сейчас надо успокоиться и спать.

«Спокойно, не паникуй раньше времени, – мысленно убеждала себя Снегирева, – все не так ужасно, я уверена! Лев Николаевич просто впал в отчаяние, у него руки опустились. А у меня не должны опускаться, поэтому сейчас надо выспаться, завтра тяжелый денек предстоит. В школу, конечно, не пойду...»

Но, несмотря на подобный аутотренинг, Галя проворочалась без сна до трех часов ночи.

В семь часов утра резкий звонок будильника выдернул Снегиреву из забытья. Она с трудом разлепила ресницы и в тот же миг вспомнила все, что произошло вчера вечером. В тусклом свете зарождающегося пасмурного утра известие о состоянии Игоря не утратило своей пугающей остроты, а, наоборот, приобрело некий жутковатый ореол неотвратимости. Галина поймала себя на мысли, что как-то быстро смирилась с тем, что ее любимый находится на грани между жизнью и смертью. И это ей совсем не понравилось. Решительно стряхнув с себя остатки сна, она вскочила и отправилась в ванную.

Марина Николаевна, Галина мама, завтракала на кухне. От нее не укрылось возбужденное состояние дочери, тревога и отчаяние в ее покрасневших от недосыпа глазах.

– Ты не заболела? – поинтересовалась она озабоченно. – Что-то ты мне не нравишься, дочь. Ну-ка, померь температуру.

– Не-а, мам, все в порядке... у меня. – Галя невольно выделила «у меня».

Она еще точно не решила, стоит ли посвящать маму в то, что случилось. На первый взгляд это совсем не обязательно, но ведь Галине может понадобиться помощь или просто дельный совет, и тут без мамы, самого близкого человека, не обойдешься.

– А у кого не в порядке? – Марина Николаевна вопросительно подняла брови.

– Мам... понимаешь, вчера мне звонил отец Игоря. Ну, помнишь? Игоря Владимиров. – Гале вдруг захотелось все-все рассказать маме. – Его зовут Лев Николаевич. И... и он сказал, что... в общем... Игорь умирает! Да-да, он почти так и сказал: «Твоя встреча с ним может стать последней». Вот так он сказал. И я сейчас еду к нему в больницу, – твердо закончила Галя.

– Какая страшная новость... А что же с ним произошло? Он попал в аварию или заболел? – участливо покачала головой Марина Николаевна.

– Ни то и ни другое. Вернее, да, заболел. У него появилось осложнение после операции. Той, помнишь? Короче, у него отказывают почки. Понимаешь? А может, уже совсем отказали, пока я тут чай распиваю! – внезапно всхлипнула Галя, оттолкнула от себя чашку и закрыла лицо руками. – Мам, я не знаю, как мне поступить, – тихо произнесла девушка, взяв себя в руки. – Я вот все думаю: может, он все это специально устроил, чтобы я к нему пришла? А на самом деле все не так плохо? Хотя, с другой стороны...

– Галя, если ты у меня спрашиваешь совета, то я скажу так. – Марина Николаевна серьезно посмотрела на дочь. – Такими вещами не шутят. И если тебя просил прийти отец Игоря, значит, все обстоит так, как он говорит. Я прекрасно понимаю, что в тебе сейчас борются обида и чувства к Игорю. Ведь так?

– Ну, так... А ты откуда знаешь, что у меня к нему... чувства? Мы ведь расстались по моей инициативе, ты же в теме. – Галя пожалала плечами и отхлебнула остывший чай.

– Но ведь ты оставила его не потому, что любовь ушла, а не смогла простить ему предательства, правда? – улыбнулась Марина Николаевна и, расценив молчание дочери как согласие, продолжила: – Так вот, я и хочу сказать: если любишь, отбрось все сомнения, страхи и обиды, иди за любовью. Вот и все, что я, собственно, могу тебе посоветовать. А хочешь, я поеду вместе с тобой? Может, так будет лучше?

– Спасибо, мам, но... не надо. Я сама справлюсь. Правда, мам! – Галя уже вскочила из-за стола и стала быстро одеваться. – Ты у меня самая лучшая мама на свете!

Галина чмокнула Марину Николаевну в теплую щеку и выбежала из квартиры.

2

– Тс-с, тише, он спит, – приложил палец к губам Лев Николаевич. – Ночь была тяжелая, Игорь только недавно уснул. Да ты проходи, садись вот, – кивнул он на стул, стоявший около окна.

Галина осмотрелась. Игорь лежал в небольшой одноместной палате, довольно уютной, и было очевидно, что уют в ней создали родители Игоря. Стол был покрыт веселой яркой клеенкой, на тумбочке рядом с кроватью стояла симпатичная вазочка с цветами, Игорь был укрыт не выцветшим казенным одеялом, а домашним шерстяным пледом с красивым орнаментом, а на стене красовалась цветная фотография Виктора Цоя, вырезанная из журнала.

Присмотревшись к Игорю повнимательнее, Галя поняла, что лежит он не на обычной кровати, а на каком-то странном сооружении, очень напоминающем большое широкое кресло, как в кабинете стоматолога, только гораздо удобнее и внушительнее. В нем больной находился в полулежачем положении. Вплотную к спинке чудо-кресла стоял не менее странного вида аппарат, похожий на шкаф, с разными приборами, проводочками и переключателями.

– Это что такое? – шепотом поинтересовалась Галя у Льва Николаевича, кивнув на аппарат.

– Дай бог тебе никогда не знать, что это такое, – вздохнул мужчина, поднимая на девушку измученный взгляд. – Это аппарат «искусственная почка». Американский. Он буквально напичкан новейшей электроникой, да что толку... Игорь уже два дня не может без него обходиться, только все это временные меры, к сожалению. Вот такие дела.

Галя потрясенно помолчала, затем сняла куртку и присела на стул, повесив на спинку сумку и пакет с соками.

– Лев Николаевич, – дотронулась она до его руки, – вы, может, отдохнете? А я тут побуду, с Игорем. Вы же всю ночь не спали.

– Спасибо тебе... Только я дождусь обхода, скоро врач придет. Может быть, скажет что-нибудь утешительное. – Лев Николаевич поднялся и потер лицо руками. – Хотя ничего хорошего мы с женой уже и не ждем. Она тоже слегла, с давлением... Кошмар!

– Ну что вы! Ведь выход должен же быть, обязательно! – Галя так искренне произнесла эти слова громким шепотом, что мужчина с благодарностью взглянул на нее. – Знаете, я уверена, что нельзя отчаиваться. Нужно испробовать все-все варианты, тогда один правильный вариант найдется сам!

Но Лев Николаевич не разделял ее уверенности. Он безнадежно махнул рукой и тихо сказал:

– А вариантов всего два. Только два, понимаешь? Один из них – это пересадка почки, на которую огромная очередь на год вперед...

– А... второй? – беззвучно прошептала Галя, предчувствуя страшный ответ.

Но ответа не последовало. Отец Игоря просто выразительно посмотрел на нее – в его взгляде плескались огромная боль, отчаяние и страх перед неотвратимостью потери сына.

Она поняла, что ничего не стоит говорить этому измученному до крайности человеку. Что бы она ни произнесла, все будет ложью и фальшью. Потому что ее любимый Игорь действительно умирает. Она окончательно поверила в происходящее только тут, в палате, увидев «искусственную почку», неподвижно лежащего Игоря с неестественно бледным, каким-то нереальным лицом, безумное горе в глазах его отца... Галя ощутила, как вспотели ладони и волосы буквально зашевелились от ужаса. Она молча, не в силах произнести ни слова, смотрела на своего любимого и не могла оторвать от него взгляда. Ей казалось, что он может умереть прямо сейчас, сию же секунду, на ее глазах. Девушка напряженно следила за тем, как слегка поднимается и опускается его грудь, и изо всех сил боролась с подступающими слезами.

Дверь бесшумно открылась, и в палату вошел высокий моложавый мужчина в белом халате. За ним маячила молоденькая медсестра в кокетливой белой медицинской шапочке. В руках она держала планшет с листами назначений. По плохо скрываемому обожанию в ее глазах было очевидно, что она боготворит своего шефа, видимо, восходящее светило медицины. И действительно, девица тщательно записывала каждое его указание и восхищенно ловила каждое его слово.

Доктор тихо поздоровался и подошел к аппарату, поддерживающему жизнь Игоря. Внимательно изучив показания приборов, он удовлетворенно кивнул и повернулся к Льву Николаевичу.

– Ну что ж, пока состояние стабильное, но... – замялся он, вздохнул, – к сожалению, пока. Я вам говорил уже, что «искусственная почка» лишь паллиативное средство, то есть временное. А в вашем случае даже очень временное. Мы не сможем долго держать вашего сына на аппарате. А если совсем точно, то не более трех суток.

Лев Николаевич взглянул в лицо доктора.

– Да, я знаю. А потом? Что потом, доктор? – глухо спросил он.

Врач не отвел взгляда и честно ответил:

– Нужна пересадка. Это уже абсолютно точно. Если еще вчера я сомневался в ее целесообразности, то сейчас я могу констатировать факт – без операции не обойтись. Причем как можно скорее. Я не знаю, как поведет себя организм вашего сына через день или через час... Могут начаться другие осложнения, с сердцем, например.

– Что я должен сделать? – Лев Николаевич шагнул к доктору почти вплотную. – Сколько она стоит, эта операция? И куда мне обращаться за донором, вы можете мне посоветовать?

– Посоветовать могу. Обычно идут в координационный донорский центр, но... ведь существует очередь, и она немаленькая. А в вашем случае промедление смертельно. Это я вам со всей ответственностью заявляю. Попробуйте обратиться в горздрав... В общем, стучитесь во все двери, – монотонным голосом пробубнил врач, и Снегирева поняла, что он сам ни на секунду не верит в успех, а говорит все это по инерции, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Доктор еще раз проверил показания приборов, взглянул на спящего Игоря и поспешил исчезнуть из палаты.

Галина, поколебавшись секунду, выскочила за ним. Ей хотелось поговорить с врачом самой, с глазу на глаз. О чем его спрашивать, когда в принципе и так все ясно, Галя представляла плохо. Но она надеялась, что ей врач обязательно скажет что-нибудь важное, даст действительно дельный совет, а то и поможет в поисках донора.

В коридоре Снегирева осмотрелась по сторонам и подошла к столику дежурной медсестры. Суровая на вид женщина в белоснежном халате и очках-хамелеонах раскладывала утренние таблетки в одноразовые стаканчики.

– Скажите, пожалуйста, – робко обратилась Галина к дежурной, – как зовут врача, который только что вышел из восьмой палаты, и где его кабинет?

– Вы имеете в виду доктора Сабанеева? Его зовут Валерьян Милорадович. А его кабинет прямо по коридору – до конца и налево. На двери табличка есть, мимо не пройдете, – строго пояснила медсестра и снова углубилась в свое занятие.

– Спасибо... – Галина хотела уже отойти от столика, но, помедлив, решила задать еще один вопрос.

– Простите, – снова отвлекла она женщину от выполнения ее обязанностей, – скажите, а этот... Сабанеев, он хороший врач? Ну, в смысле, я понимаю, что, наверно, хороший, раз тут работает, но... в смысле, он очень-очень хороший, самый лучший или обычный?

Галина чувствовала, что ее вопрос задан как-то нелепо, коряво и не особенно внятно, но не могла же она спросить прямо так, как думала: «Скажите, этот врач умеет грамотно лечить или он полная бездарь?»

Но медсестра не рассердилась, как опасалась Галина, и не стала поднимать ее на смех, а неожиданно улыбнулась. Улыбка настолько шла ей, что Галина тут же поняла: эта медсестра не противная и не строгая, а очень даже милая и приветливая.

– То есть ты хочешь узнать, может ли Валерьян Милорадович на самом деле вылечить человека, так я тебя поняла? – Медсестра перешла на «ты» и лукаво прищурилась, разглядывая смущенную девушку.

– Ну да... в общем, так, – немного замаявшись, кивнула Галина.

– Повезло тебе, девочка, – почти торжественно произнесла медсестра, – вернее, повезло больным, которых он с того света вытаскивает. Да-да! Именно так и есть. Потому как доктор Сабанеев хирург от бога. Понимаешь? Руки у него просто божественные. К тому же он не обыкновенный врач, а кандидат медицинских наук и почти доктор. Но не это главное, талант – вот что важно. И еще милосердие, сострадание к людям. Понимаешь? А этим Бог его тоже не обделил. Знаешь, сколько людей ему жизнью обязаны? Не сосчитать. Вот так, девочка. – Женщина махнула рукой и добавила: – Ну, иди, пока Валерьян Милорадович у себя. А то убежит по палатам, не найдешь.

Галя поблагодарила оказавшуюся словоохотливой медсестру и двинулась по коридору.

«Боже, – подумала она про себя, – ну и имечко! Я ни за что не выговорю!»

Осторожно постучав в дверь кабинета и услышав приглашение войти, Галина смело перешагнула порог и очутилась лицом к лицу с восходящей звездой медицины. Видимо, он как раз собирался покинуть кабинет и умчаться по своим докторским делам.

– Здравствуйте, я хотела поговорить с вами, – решительно проговорила Галя, загораживая собой дверь. – Пожалуйста, уделите мне время, совсем немного...

Она умоляюще глядела на светило науки. Сабанеев, к ее великому облегчению, не выказав неудовольствия, жестом пригласил девушку сесть.

– Я слушаю, – официальным тоном произнес врач, серьезно глядя на Галину.

– Понимаете, я... мне хотелось бы узнать реальное положение вещей... ну... у Игоря... – Галина дала себе слово не называть Сабанеева по имени, дабы не попасть в неловкое положение.

– Я догадываюсь: вы по поводу Владимирова? – вопросительно наклонил голову Сабанеев. – А-а, ну да! Вы же у него в палате сидели, – вспомнил он. – А вы ему кто? Родственница? – спросил врач.

– Да... почти. Я его невеста, – неожиданно для себя выпалила Галина и сама испугалась: ведь ежику ясно, что она врет.

Но интуитивно Галина понимала, что, назовись она одноклассницей Игоря, или знакомой, или даже подругой, все это будет совсем не то. И Сабанеев не скажет ей правды о реальном состоянии Игоря, не посоветует, как помочь. Не очень-то медики любят откровенничать с посторонними, им только родственников подавай, это Галина хорошо знала. А невеста – это почти что родня.

– Я невеста Игоря Владимирова, – отчаянно повторила она, не отводя взгляда от лица Сабанеева. – Доктор... я вас прошу... расскажите мне все с самого начала. Если я буду знать подробности о болезни Игоря, я смогу ему помочь.

Каким образом она собирается помочь своему любимому, Галя представляла весьма смутно, но ведь доктору знать об этом не обязательно.

Доктор против «невесты» не возражал, во всяком случае, не выказал ни удивления, ни недоверия. Он внимательно посмотрел на девушку и задал неожиданный вопрос:

– Скажите, вы с ним в ссоре?

– Нет... то есть да... А почему вы так решили? – растерялась Снегирева.

Вовсе не для того она явилась в его кабинет, чтобы обсуждать с ним свою личную жизнь. Да и какая разница, в ссоре они с Игорем или целуются каждый день с утра до вечера?

Сабанеев умел задавать вопросы. Через две минуты он вытянул из Снегиревой то, что являлось для него важным. Галине ничего не оставалось, как подтвердить, что у них с Игорем произошел разрыв и три месяца они не виделись, но любит она его по-прежнему, а уж узнав о болезни любимого, примчалась сюда и теперь вот сидит перед доктором, страстно желая помочь Игорю выздороветь.

– Так я и предполагал, – протянул Сабанеев задумчиво. – Дело в том, что на твоего Игоря роковым образом повлиял сильнейший стресс. Ну а какой такой стресс может приключиться с молодым человеком из благополучной семьи? Чтобы так подействовать на организм, нужны длительные и сильные переживания. Понимаешь? Его родители ничего внятного сказать не сумели, хотя я первым делом поинтересовался о душевных травмах их сына.

– Так они сами не в курсе были, – вставила Галина взволнованно. – Игорь им только сейчас про меня сказал, ну, чтобы я пришла...

Ее лицо внезапно сморщилось, и она поднесла руки к глазам, хотя в ее планы не входило разрыдаться прямо в кабинете врача. Однако слезы упорно рвались наружу.

Боже мой! Значит, это все из-за нее? Из-за нее Игорь сейчас лежит прикованным к этому ужасному аппарату? Из-за ее идиотской принципиальности, неумения прощать чужие слабости? Ведь три месяца назад она бесповоротно перечеркнула все, связанное не только с Игорем, но и с Валентином – ее самым надежным, самым настоящим другом! Галина в ужасе смотрела на доктора во все глаза. Ну да, Игорь, в сущности, предал ее, испугавшись ответственности за ребенка, а Валентин мужественно предложил ей взять все трудности, связанные с появлением младенца, на себя. Тогда, три месяца назад, после той единственной, странной для них обеих ночи, Галине почудилось, что она беременна. К счастью, это оказалось ложной тревогой, но зато непростая ситуация выявила, кто есть кто: эгоизм и малодушие Игоря и самоотверженность и настоящий мужской характер Валентина.

А ведь Галина познакомилась с Валентином совершенно случайно, и никакого касательства к ней и ее проблемам парень не имел. И тем не менее предложил ей помощь, не задумываясь! Но она испортила отношения и с ним, и неподдельное раскаяние своего возлюбленного не приняла. Сейчас ей было совершенно ясно, что именно она виновата в том, что случилось с Игорем. Значит, он переживал не по-детски, значит, все это время ему было чрезвычайно плохо... А Галина наивно надеялась, что он позабыл ее и она сама тоже его забыла. Но оказывается, никто никого и не думал забывать... Только цена их ошибок, вернее, ее собственного дурацкого поведения слишком высока. Неоправданно высока.

– Простите... – глухо проговорила Галина, неимоверным усилием воли справляясь со слезами, – это я виновата во всем... Но я же не знала, не подозревала, что с ним может быть вот так... серьезно. Валерьян Миро... доктор, что же делать, а?

– Ну, во-первых, взять себя в руки и не разводить сырость. Это самое последнее дело и абсолютно бесполезное. Во-вторых, ничего нового, кроме того, что я советовал его отцу, не скажу. Нужна донорская почка, и поскорее. Через три дня, максимум через пять, я должен буду отключить твоего Игоря от диализа.

– От чего? – не поняла Галина, ее мысли разбегались в разные стороны.

– Так аппарат называется, который больных поддерживает, гемодиализ, – терпеливо пояснил Сабанеев.

– Скажите, а я вот по телевизору видела передачу, там людей показывали, ну, таких, как Игорь, так они говорили, что на искусственной почке кто год, кто два года находятся. Почему же вы Игоря хотите отключить от этого... диализа, ведь он всего две недели лежит? – спросила Галина.

– Хороший вопрос. Но... пойми одну простую вещь. – Сабанеев с досадой взерошил свои густые, чуть седоватые волосы. – То передача, а это реальность. Диализ вовсе не такой безопасный аппарат, каким его представляют тележурналисты. Он предполагает множество

осложнений, о которых не принято распространяться. Я мог бы тебе прочесть целую лекцию на эту тему, но к чему? Можешь мне просто верить на слово. Ну сама подумай, нужны ли твоему Игорю проблемы с сердцем и сосудами, анемия, то есть нехватка железа, белковое голодание? Да, безусловно, диализ – это мощная поддержка для подавляющего большинства пациентов. Но... твоему парню он, как бы это выразиться, не совсем подходит, что ли. Понимаешь, у него какая-то несовместимость с организмом происходит. К сожалению, так бывает. Правда, довольно редко, но... это именно тот случай.

Сабанеев грустно рассматривал сидящую напротив него Галину. В его усталых глазах таились сочувствие и скорбь.

«Он так смотрит, будто Игорь уже...» – разозлилась про себя Галина, одновременно понимая, что у доктора имеются все основания для печали.

– Его организм и так ослаблен недавней операцией на позвоночнике, – тем временем продолжил Сабанеев. – Собственно, его теперешнее состояние есть результат последствий операции плюс стресс.

– Но ведь операция прошла успешно, – прошептала Галина. – Просто почки у Игоря самое уязвимое место, еще с детства, мне Лев Николаевич говорил...

Галина понимала, что она произносит бессмысленные слова, лишённые всякой целесообразности. Она почти физически ощущала свое бессилие перед бедой, свалившейся на ее любимого, а значит, и на нее. Чувство неизгладимой вины перед Игорем тяжело ворочалось внутри нее, давило на сердце, на каждую клеточку души, если душа состоит из клеток.

Снегирева познакомилась с ним не в самый безоблачный период его жизни – инвалидная коляска ограничивала его жизнь в пространстве четырьмя стенами. Парень не мог ходить после автокатастрофы. Но в то время Галина хорошо знала, что ей нужно сделать, чтобы Игорь вернулся к нормальной жизни. Она была полна сил и энергии, и у нее получилось практически невозможное. Она выиграла поэтический конкурс, а премию, полученную за первое место, отдала за операцию Игоря. И вот теперь своими руками разрушить все то, что с таким трудом создано, на что потрачено столько сил, эмоций, любви, наконец!

И что она должна сделать сейчас? Где раздобыть огромную сумму, где искать знакомых? Да и кого? У них с мамой точно нет приятелей в медицинских кругах...

Сабанеев поднялся со своего места, и Галина поняла, что аудиенция окончена.

– Доктор, а вы... не поможете с донорской почкой? Как вообще это делается? – Девушка умоляюще смотрела на врача.

– Теоретически почку может дать любой человек, и не обязательно родственник. Но на самом деле это не так просто, как кажется. Существует множество препятствий и противопоказаний. Мы, естественно, уже взяли анализы крови у родителей Игоря, и оказалось, что их почки не подходят, вот так вот. – Сабанеев вздохнул. – Так что это процесс длительный и скрупулезный.

– А я? У меня возьмите... Вдруг моя подойдет? Пожалуйста, я вас умоляю! – Галина в страшном волнении схватила доктора за руку. – Моя почка подойдет, я уверена! Пойдемте прямо сейчас, где тут у вас кровь сдают?

Сабанеев невесело усмехнулся и мягко отстранил девушку.

– Тебе сколько лет? – спросил он, открывая дверь в коридор.

– Скоро семнадцать будет... Да вы не сомневайтесь, я здоровая, я и в детстве редко болела, и почки у меня нормально работают! – воскликнула Галина воодушевленно, с мольбой глядя на врача.

– Ну вот, еще и семнадцати нет... – пробормотал доктор, проигнорировав остальные откровения Снегиревой. – Я не имею права делать тебе анализы на совместимость и тем более, брать у тебя почку, даже если она вдруг идеально подойдет. Понимаешь? Ты, милая моя, несовершеннолетняя, и для всей этой процедуры обязательно согласие твоих родителей. Это

ясно? – Сабанеев покачал головой. – И я совсем не уверен, что они будут в восторге от твоего решения. Ты согласна?

Галина сокрушенно молчала. Да, этот эскулап наверняка прав, черт бы его побрал! Мама никогда не разрешит ей лишиться почки, ни под каким видом! Даже и заикаться об этом не стоит, фигня получится!

– Ну, может, вы хоть кровь у меня возьмете, на всякий случай, а? – безнадежно предложила Галина, ощущая всю бесперспективность своего вопроса.

– А смысл? – коротко бросил Сабанеев и, отвернувшись от нее, стал натягивать на голову белую медицинскую шапочку.

Визит был окончен, и Галя, попрощавшись с Валерьяном Милорадовичем, побрела в восьмую палату. Пока она беседовала с Сабанеевым, Игорь уже проснулся и немного поел. Лев Николаевич сидел на стуле рядом с сыном и срезал кожуру с большого зеленого яблока. Галя нервно поправила белый халат, небрежно накинутый на плечи, и, смущаясь, медленно подошла к Игорю.

– Привет... – негромко произнес Игорь и покосился на отца.

Лев Николаевич тяжело встал и отложил недочищенное яблоко.

– Пойду покурю, – нашел он банальное оправдание своему уходу и вышел за дверь.

Галя и Игорь остались одни.

Девушка присела на стул у изголовья, который только что освободил Лев Николаевич. Она чувствовала себя скованно, как говорят, не в своей тарелке. Как ей себя вести? Делать вид, что нет никаких поводов для тревоги? Это бессмысленно, Игорь наверняка знает о своем положении, а если не знает точно, то уж, конечно, догадывается. Секунду поразмыслив, Снегирева произнесла именно те слова, которые ей очень хотелось произнести и которые выражали то, что она чувствовала.

– Игорь... милый... если бы ты знал, как я рада тебя видеть! – прошептала она, улыбаясь сквозь пелену слез.

– Галчонок! А я... нет... я не рад, я ужасно, ужасно счастлив, что ты пришла, спасибо тебе... – Игорь осторожно взял Галину руку в свою и стал с нежностью гладить ее ледяные пальцы. – Ну как ты? Как живешь? Ты говори, говори, пожалуйста, а я буду тебя слушать!

Глаза у Игоря сияли счастливым светом, который любой врач принял бы за проявление лихорадки, но Галина знала, что Игорь действительно безумно рад их встрече. Иначе зачем бы он посылал за ней своего отца? Сама она была сильно смущена и с недавних пор испытывала вполне конкретное всепоглощающее чувство вины перед этим худым, бледным, но таким дорогим ей человеком.

– Что ты хочешь услышать, Игорек? Мне и рассказывать, в общем-то, особенно нечего... Живу, учусь, все как обычно, – через силу улыбнулась Снегирева и вдруг, вспомнив, что она принесла Игорю соки, засуетилась, потянулась к сумке и стала выставлять пакеты на тумбочку. – Вот, чуть не забыла, я тебе соков всяких притащила, сплошные витамины, – оживилась девушка, про себя радуясь, что можно отвлечься и постараться справиться с чувством неловкости. – Я так понимаю, тебе все это можно, да?

– Можно-можно, – бодро кивнул Игорь, оглядывая целую батарею пакетов. – Только, кажется, томатный не очень... Ты заberi его, сама выпей.

– Вот еще! Ничего, папа твой пусть выпьет, – возмутилась Галина.

– Спасибо... Галь, налей мне персикового, пожалуйста, и сядь. Я хочу, чтобы ты все время была рядом, видеть тебя хочу, а ты все куда-то убегаешь, суетишься... Вот когда я спал, ты куда бегала, а? – Игорь говорил почти весело, но в глазах таились напряженность и глубоко запрятанное отчаяние.

– Я... просто так выходила... искала буфет... – брякнула Галина первое, что пришло в голову, и не очень убедительное.

– Галь, ты совершенно не умеешь врать, – посерьезнев, укорил ее Игорь. – Ты к Валерьяну ходила, да?

Галина отвела взгляд и промолчала. Ее тяготила двусмысленность положения, в которое она попала. Что она должна ответить любимому человеку? Сказать правду? Но тогда ей придется подтвердить и те печальные перспективы, о которых Игорь уже знает или догадывается. А может быть, Игорь надеется, что она сейчас улыбнется и скажет: мол, все хорошо, милый, доктор ошибся, прогноз благоприятен и ты идешь на поправку? Так что же, лишит его этой последней надежды? Или стоять на своем? Совсем неумно. Она на самом деле врать не очень умеет. Тем более в подобной ситуации – у нее все написано на лице.

«Хватит вранья. Если так фишка легла, что именно от меня он должен узнать правду о своем положении, то пусть так и будет, – сердито решила Снегирева. – У меня достанет сил. Обязательно».

– Да, я была у Сабанеева. – Галя подняла голову и твердо посмотрела в любимые глаза.

– Ну и... о чем базарили? – фальшиво-беззаботно, как бы вскользь, поинтересовался Игорь.

– Обсуждали сериал «Кто в доме хозяин», – через силу пошутила Галина. – О тебе говорили, естественно.

– Ну и... и что? – продолжал расспрашивать Игорь и, так как Снегирева ничего не ответила, расстроился: – Галь, ну, что я из тебя каждое слово вытягиваю, а? Ты мне чего-то недоговариваешь, да? Галь, ты скажи мне все, даже самое плохое. Нет, ну в самом деле, блин! От меня что-то скрывают, я же все секу. И родители с похоронными лицами сидят, хоть и пытаются что-то бодренькое из себя изобразить, и от Валерьяна толком ничего не добьешься.

И так как Снегирева продолжала упорно молчать, Игорь передвинулся повыше на своем электронном кресле и, глядя напряженным взглядом в пространство, заговорил медленно, каким-то внезапно потухшим голосом:

– Послушай... Ты не мучайся и слова не подбирай. Я все про себя знаю. Поэтому и решил... нет, уместнее сказать, посмел тебя вызвать сюда... Я понимаю, я так виноват перед тобой, что не имею права вообще ни о чем тебя просить, тем более требовать. Но мне захотелось тебя увидеть, Галчонок, до сумасшествия. Я ведь все это время думал о тебе каждую секунду...

Игорь утомился от этого монолога и сделал паузу. Галине внезапно стало жарко и нещадно захотелось пить. Она налила себе немного сока в пластиковый стаканчик. Сок был прохладным и не слишком сладким.

– Тебе налить? – Она глазами показала ему на пакет сока.

– Подожди... не мешай. Я должен сказать все, что собирался. – Глаза Игоря беспокойно блестели. Он крепко взял Галину руку в свою, словно боялся, что девушка убежит. – Так вот, повторюсь: то, что вы все от меня скрываете, никакая для меня не тайна. Я уже давно знаю, что дела мои хуже некуда. Я просто хотел услышать, что тебе поведал Сабанеев. Это безумие, конечно, но мне казалось, что... он именно тебе скажет что-нибудь новое, обнадеживающее, что ли. Что у меня есть шанс...

– Именно это он и сказал, Игорек! – Галина решительным тоном перебила Игоря. – Твой шанс – это донор. Понимаешь? Мы найдем донорскую почку и...

– Да это я знаю... – Игорь сжал ее чуть подрагивающие пальцы. – Только у меня ведь проблемы с почками, а не с головой! Ты думаешь, Галчонок, я не понимаю, что донор – это не шанс, а, наоборот, никакого шанса... Моим родителям никогда не найти столько денег, да еще так быстро! Найдем почку... Она ведь в супермаркете не продается, на поиски подходящего донора тоже время нужно. А у меня его нет! Нет, понимаешь? Люди годами ждут своей очереди, и дожидаются далеко не все. Валерьян собирается через три дня отключить меня от этого чертова диализа. И что будет потом, знаешь? Либо операция, либо... Через три дня опе-

рация невозможна, это ему понятно. Значит, остается... тапки откинуть, а можно еще лыжи в угол поставить, ноги протянуть, выбирай любое, блин. – Игорь судорожно вздохнул и горько усмехнулся.

– Игорь, замолчи! Игорек, милый, прошу тебя, не говори об этом! – У Галины все внутри переворачивалось от ужаса и отчаяния. – Послушай меня. Нельзя отчаиваться, выход есть всегда, просто мы его еще не видим. Знаешь, я не верю, что с тобой может случиться что-то... непоправимое. И ты не верь, слышишь! Не смей смиряться с обстоятельствами, какими бы трагичными они ни были! Игорь... ты понимаешь меня? Ты меня слышишь?

Игорь вяло кивнул и отвернулся к стене. Галине на миг показалось, что он плачет, но, когда он снова взглянул на нее, она увидела, что глаза его сухи.

– Галь, я... я так благодарен тебе... что ты все-таки пришла сюда, что сидишь со мной и я могу видеть твоё лицо. Знаешь, давай не будем больше обсуждать эту тему. Это бессмысленно и очень тяжело. Позволь мне просто знать, что ты рядом со мной, что ты... меня простила. Ты ведь простила меня, а? – Игорь вопросительно и виновато заглядывал ей в глаза.

– Я... конечно простила, глупый. – Галя нервно провела рукой по его спутанным волосам. – Иначе меня бы здесь не было.

Она помолчала, собираясь с мыслями, и, решившись, спросила:

– А ты? Ты прощаешь меня?

– Тебя? – В голосе Игоря прозвучало неподдельное удивление. – Да тебя-то за что, Галчонок? Ты все сделала правильно. Знаешь, я тогда еще, ну, когда ты отказалась со мной общаться, окончательно понял, каким я был эгоистом... Только о себе думал... А ты столько перенесла из-за меня! Я вот как-то со стороны посмотрел на ситуацию, в которой мы с тобой оказались, и понял, каким же подлецом я в твоих глазах выглядел! Так за что же мне тебя прощать-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.